

ЛИАНА АЛАВЕРДОВА

(Лос-Анджелес)

Лиана Алавердова – уроженка города Баку. Закончила исторический факультет Азербайджанского государственного Университета. Работала в Институте философии и права Академии наук Азербайджана. Ее стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков неоднократно публиковались в журналах, газетах и альманахах в Азербайджане, России, США и Канаде, включая «Литературный Азербайджан», «Знамя», «Дружба народов», «Слово/Word», «Новый журнал», «Русские евреи в Америке» и др. Лиана Алавердова – автор восьми книг стихов и прозы. Имеет несколько наград. Живет в Нью-Йорке и заведует библиотекой KingsBay.

ДВЕ ПОЭМЫ

Художник

Саттару Бахлулзаде посвящается

1

**Здравствуй, художник, здравствуй!
Краски твои чисты.
Ты нам принес, как праздник,
шествие красоты.
Бродит сказочник старый,
тревожа пыльный уют,
и серые тротуары
маками зацветут,
и птицы взметнутся к небу,
и запоют холсты,
станет нужнее хлеба
шествие красоты.
В нашем постыдном быте,
в нашей постылой нужде,
где ты ее увидел?
Может, в своей мечте?**

**Мечта голубеет ложно.
Светла голубая грусть.
А я до холста осторожно
дотронусь и – обожгусь...**

2

Сорок дней душа все
мечется,
не найдет, святая,
выхода.
Сорок дней ей все
мерещится
что-то странное,
великое.
Все влечет ее
околица –
улететь в просторы
райские,
и хранят уста
безмолвие –
обезвожены
страданием.
Горбоносый мальчик
маленький,
как столетие
кровоавое,
на распутье бредом
мается,
то ли гибелью,
то ль славою.
Знахари ломают
головаы,
губы сведены
молитвами:
дай, Аллах, дыханье
отроку,
силы дай словечко
вымолвить.
А ему внезапно
грезится:
в белоснежном
одеянии
сам имам рукой
провидческой
кисти дал
для рисования.
А ему внезапно
чудится
голос матери
рыдающей,
и гортанью
пересушенной
он прошепчет:
«Пить...»
Голос бабки: «Пить?
Значит, будет жить!»

Будешь жить,
но помни,
что на долгий срок.
В этом мире темном
будешь одинок.
Что душа видала
в голубом раю
принесешь отдаром
в живопись свою.
Рыжие деревья,
красные луга,
гейзеры, кочевья,
чудо-берега.
Вырастешь ребенком,
значит, без семьи.
Будут за потомство
лишь холсты твои.
Ты услышишь голос
молчаливых трав.
Для тебя не будет
в этом мире тайн.
А когда решишься
отдых дать рукам,
то нагой и нищий
возвратишься к нам.

3

Руки мастера, пальцы-лучи,
как смогли вы мир приручить?
Вы, рассеивающие зло ночи
с обреченным упрямством свечи.
Пальцы тоньше кистей рисовальных,
пляс ветвей под ударами ветра –
кто вас только не рисовал?
И скажу (не сочтите нахальством):
для меня вы – десница Поэта,
кто однажды мир создавал.
Я люблю вашу хваткую силу,
руки йога – ни капельки жира –
солнцелюбые длани лозы,
создающие радость и диво,
равнодушные к бреду наживы,
мост-тире между «живопись – жизнь».
Как случилось, что не чинуше,
не торговцу, не мяснику –
вы достались в дар кому нужно,
то есть Мастеру самому?
Перепачканы красками,
в синих жилах,
такие страшные,
такие красивые...

4

В Монреале выставка.
Ждут работ Саттара.
Приглашают гения
проехаться задаром.
Одному художнику
на десять чинуш –
мудрено протиснуться
меж бумажных душ.
Горе-благодетели
сладенько журчат
и вливают в уши
липкий шоколад:
что-то там о долге,
о солидном виде,
о костюме, галстук,
хоть кричи: «Изыди!»
Ваши указания –
во где, опостытели.
Вы меня удавками
всего перекрутили.
На веревку-галстук
вовсе наплевал.
Bəsdır, getmirəm
Montreala!¹

5

Я хаживал частенько в чайхану,
где с радостью ребяческой, без фальши,
наполнил arıudu² и не одну
почтительно-догадливый чайханщик.
Я пристрастился к тишине бесед.
Напоминали эти разговоры
скорее мотыльковый перелет,
чем строгий смысл коврового узора.
И в память знатных мэхмэри-чаев³,
и в благодарной искренности сердца,
не помню, сколько – много я холстов
передарил чайханщику в наследство.
Я умер, я давно уж погребен.
Чайханщик слеп, но все ж холсты лелеет.
Их вечерами нежно гладит он
и заклинает, чтобы уцелели.
На торжествах, где духа моего
присутствие отыщите вы вряд ли,

¹ Хватит, не поеду в Монреаль!

² Грушевидный стаканчик, в котором подают чай в Азербайджане.

³ Крепко заваренный

он, чинен и молитвенно смирен,
глотает, что ни наплетет рассказчик.
Он заявил, что не продаст холсты,
что после смерти, может, но и то лишь...
О, тем бы, кто со мною был на «ты»,
его неискушаемую совесть!
А то распродавали даром, зря,
уплыли караванами полотна.
На этом свете правду говорят:
лишь после смерти дружба познается.

6

Не подходит гений к обоям,
к гардеробу он не подходит.
Что за странное своеволие
в голове его колобродит?
Он смеется над ритуалом
чинных встреч и застолий важных,
выше мудрости аксакалов
почитает он дух бродяжий.
Ветер сильный, стальной, свирепый,
надувай же тугие щеки,
уноси меня божьей щепой
в мир прекрасный и мир широкий
и оставь в травяных ложбинах
отдыхать замутненный разум,
чтоб глаза прочищали ливни,
упадая с вершин кяпазов¹.

1991 г.

МОРСКАЯ ПОЭМА

1

Солнце огненно-яро,
жжет лучей бахрому,
от деревьев бульвара
амфитеатром – дома.
Здесь базары шумливы
и капризна весна,
люди ходят лениво,
как под чарами сна.
Всем приезжим на диво
здесь буянят ветра,
лишь луна молчалива,
как большая дыра.

¹ Кяпаз – гора в Азербайджане.

Здесь красивой девице
не пройти просто так:
враз осклабятся лица,
что-то крикнет остряк...
Раскаленное лето,
восточная лесть
и, конечно, поэты
в этом городе есть.

2

А были еще поэты:
слагали о нефти оды,
катились легко по рельсам,
чтоб не отстать от моды.
Черное золото славили
сдуру или с расчетом?
Что же потомкам оставили?
Сточную яму, болото?
Золото гонораров
пропито иль проедено.
Потомкам, увы, досталась
не стихия – трагедия.
А в тихую погоду
на дне песочек просвечивал...
Что вам ответить народу?
Поздно, да и незачем.

3

Купальня на бульваре...
Давно или недавно?
Купальня на бульваре –
отцовские преданья.
Не пахло керосином,
а голубым и синим,
таким щемяще юным,
как будто жить просило.
И брызгало и пело
сиреной неумной,
и убежать хотелось
в мир палубный, бездомный.
То робюю стелилось,
то шквалами вzywало,
о воле говорило
аж за десять кварталов.
Ах, галсы, фоки, стеньги,
соленая тревога...
Так пробежать хотелось
по голубым дорогам.

И сотни солнц дробились,
и пена в ноздри била,
и счастьем запредельным
все это было, было...
От маленькой купальни
и слéда не осталось.
А ведь какая жалость...
А ведь какая малость...

4

Раньше синело гордо, свободно
море.
Было соленым – стало зловонным, –
горе!
Пеной кипело, белой-ребелой,
пело.
Души романтиков звал посейдонов
пеленг.
Траур мазутный носишь, как вдовы.
Горе!
Скважины выплюнь, стань же собою,
море!

5

Меня убивали тихо.
Какая смелость!
Терзали заправски-лихо
синее тело.
Не вскрикнет рыба.
Лишь чайка
ликует громко.
Мучителей засосало б
на дно воронки.
Всей мощью б на них кричало,
проклятья слало.
Но в мире так много жалоб,
а счастья мало.

6

Твердим тебе: «Самоочистись!»
А сами?
Тебя превратили в кладбище,
засрали.
Как пес усталый,
ты лижешь ноги,
простерло тело,
безвольно отдав
дурным двуногим
все, что имело.

**Тебе, протухшему, мутному,
покрытому пеной мазутною,
вечна-а-ая память...**

**О море, море, кто тебя
усеял черными плевками?**

7

**Море, море-моречко,
сине-голубое.
Были, море-моречко,
мы дружны с тобою.
Гордое и нежное
за душу хватало.
Лижет берег бережно,
гладит тело скалье.
Весь в ракушках-родинках
золотой песочек.
Море – это родина,
вотчина из вотчин.
Окунуться в таинство –
не нужна прописка.
Ты такое дальнее,
хоть осталось близко...**

8

**Я, море, их всех любило:
осетров, медуз прозрачных.
Я мать, а не могила,
и нет для меня невзрачных.
Ах, детки мои: креветки,
осетры, кутум, миноги!
Вы стали, как гости, редки
в пустынной моей утробе.
Морщиню огромное лбище
и к небу взываю ревом:
чего это люди рыщут,
мое истерзали чрево?
Обязаны мне рождением
(ведь все живое – морское),
забыли в поганом рвении,
что я их всех успокою,
волною своей накрою,
отмщу за то, что любило.
А впрочем, все это пустое.
Я мать, а не могила.**

9

Ветры океанские,
гордые, не бранны.
Ветры океанские
боговдохновенны.
Словно лодки утлые
реки, города ли
встречными, попутными
обданы ветрами.
Я не море – озеро,
вдалеке от края,
где дельфины, полюсы
и киты с цунами.
И, такие малые,
мы вдвоем с Аралом
шлем с ветрами жалобы
Отче – океану.

10

*«Мы ее с морского дна
все равно добудем!»*

«А нам все равно...»

(Строки из популярных песен)

**А вам все равно?
Ну что ж...
Град вам или дождь?
Пули или снег?
Зверь иль человек?
Мир или война?
Бог или чума?
Вечность или век,
зверочеловек?**
